

ГРУППЫ В СОСТАВЕ БОЛЬШОЙ ОБЩНОСТИ: ФЕНОМЕН ИНГРУППОВОЙ ПРОЕКЦИИ И ЕГО РОЛЬ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ФОРМ НЕЯВНЫХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ

М.В. КОТОВА^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия,
Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Groups in the Inclusive Category: Ingroup Projection and Its Impact on the Covert Forms of Prejudice Enhancement

M.V. Kotova^a

^a *HSE University, 20 Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Резюме

Настоящая аналитическая работа представляет собой обсуждение соотношения понятий «ингрупповая проекция» и «неявные предубеждения» и стоящих за ними явлений. В поле зрения при изучении ингрупповой проекции в первую очередь оказалось негативное отношение к другой группе, выражаемое открыто, но в последние десятилетия исследователи все чаще фиксируют трансформацию предубеждений в скрытые, неявные формы: символические, амбивалентные или аверсивные (Brown, 2010). Неявное предубеждение, или, иными словами, скрытое негативное отношение к другой группе, привлекает внимание исследователей в первую очередь внезапно переходя от внешне нейтрального или позитивного отношения к негативному. Однако

Abstract

Current analysis represents a rationale for the relationship between the two concepts: “ingroup projection” and “covert prejudice”, and the phenomena behind them. Prototypicality allows group members to consider their ingroup as the most normatively “correct” one. When studying ingroup projection, the primary focus of attention was a negative attitude towards another group, expressed openly, but in recent decades, researchers have increasingly documented the transformation of prejudice into covert, subtle forms: symbolic, ambivalent or aversive (Brown, 2010). Covert forms of prejudice or, in other words, a hidden negative attitudes towards another group attract the attention of researchers primarily due to the sudden transition from an outwardly neutral or positive

составление ингрупповой проекции и форм неявных предубеждений ранее в литературе не проводилось. Наш анализ показывает, что ингрупповая проекция может выступать инструментом для поддержания неявных предубеждений, причем для разных форм неявных предубеждений эта поддержка будет различной. Наиболее ярко это проявляется у символических форм предубеждения, которые во многом являются поиском способов внешне легитимного прикрытия негативного отношения к другим группам. Амбивалентные же формы предубеждения могут как усиливаться, так и трансформироваться в иные (например, дегуманизацию) при усилении ингрупповой проекции. Аверсивное предубеждение, как показывает анализ, в меньшей степени связано с ингрупповой проекцией, однако особое значение приобретают нормы взаимодействия, которые проекция может делать как четкими, так и неопределенными. В завершение работы приводится обсуждение перспектив исследования взаимосвязи ингрупповой проекции и форм неявных предубеждений в российском контексте. В частности, обсуждаются особенности гражданской идентичности жителей России и ценностные ориентации, противоречия в которых могут приводить к переходу предубеждений в скрытые формы.

Ключевые слова: ингрупповая проекция, прототипичность, межгрупповые отношения, неявные предубеждения, Россия.

Котова Марина Викторовна — доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: социальная психология, этнопсихология (формирование и изменение предубеждения и социальной идентичности), психология межгрупповых отношений, национальная политика и национальные отношения. Контакты: mkotova@hse.ru

attitude to a negative evaluation of an out-group with a subsequent behavior. However, a precise comparison of ingroup projection and forms of covert prejudice has not previously been carried out in the scientific literature. Our analysis reveals that ingroup projection can be considered as a tool for a covert prejudice maintaining and enhancement. Moreover, this support might be different for different forms of covert prejudice. The most significant relationship is to be expected for symbolic forms, forms that mainly reflect a search for ways of an outwardly legitimate cover for a negative attitude towards other groups. Ambivalent forms of prejudice can both intensify and transform into other forms (for example, dehumanization) with the strengthening of the ingroup projection. Aversive bias, we suggested, should be less related to the ingroup projection; nevertheless, the social norms of interaction that ingroup projection can make both clear and vague take on special significance in this case. The paper ends with a discussion of the directions for studying the relationship between ingroup projection and forms of covert prejudice in the Russian context. In particular, the civic identity content of the inhabitants of Russia is discussed, and the conflict between value orientations that can lead to the transition of prejudices into covert forms is considered.

Keywords: ingroup projection, prototypicality, intergroup relations, covert prejudice, Russia.

Marina V. Kotova — Associate Professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, PhD in Psychology. Research Area: social psychology, ethnic psychology (prejudice and social identity formation, measurement, and change), psychology of intergroup relations, national politics and national relations. E-mail: mkotova@hse.ru

Проблема устойчивости предубеждения

Понимание предубеждения¹ и его роли в межгрупповых отношениях претерпело существенные изменения со времен публикации Гордоном Олпортом его знаменитой работы (Allport, 1954/1979). Если в 1950–1970-х гг. предубеждение понималось как «антипатия, основанная на негибком и ложном обобщении» (Ibid., p. 7), причем антипатия или враждебность зачастую проявлялись открыто, то с 1970-х гг. стали создаваться модели неявных или скрытых форм предубеждений (Katz, Hass, 1988; McConahay et al., 1981; Pettigrew, Meertens, 1995; Sears, 1988; Henry, Sears, 2002). При этом само предубеждение стало рассматриваться как хоть и негативный, но в существенной мере закономерный результат обыденных и адаптивных процессов межгруппового восприятия и идентификации, как социальная установка², пристрастное (обычно негативно-пристрастное) отношение к человеку, основанное на факте его принадлежности к группе (Brown, 2010).

Однако, как ни менялось понимание предубеждения, его устойчивость к различным техникам ослабления всегда оставалась крайне насущной задачей для исследователей и практиков (Brown, 2010; Lai et al., 2014; Lai et al., 2016). Поиск механизмов устойчивости предубеждения к изменениям является исходной проблемой и для данной аналитической работы, а социально-психологические явления, которые могли бы играть роль подобных инструментов, — фокусом рассмотрения. С нашей точки зрения, для понимания социально-психологических механизмов этой устойчивости особого внимания заслуживает анализ трансформации предубеждений в скрытые формы вслед за изменением социальных отношений, а также удачных или неудачных попыток использовать социальную идентичность для ослабления предубеждений (Котова, 2024; Brewer, 2010; Brown, 2010).

Изучение скрытых форм предубеждений было призвано объяснить несоответствие между ощущаемым снижением уровня явных предубеждений (по данным различных опросов мнений) и также явными межгрупповой напряженностью и дискриминацией, которые оставались примерно на одном уровне (обзор см.: Brown, 2010, Chapter 7). Разнообразие форм скрытых (неявных)

¹ В данной работе и термин «предубеждение», и термин «предрассудок» понимаются как синонимы, как русскоязычное обозначение того же феномена, который в англоязычной литературе обозначается термином «prejudice».

² Социальная установка (или отношение) является родовым понятием для понятия «предубеждение» в большинстве современных определений (Brown, 2010). Это отличает понятие «предубеждение» от понятия «стереотип», которое в первую очередь опирается на категорию «образ». Соответственно, стереотипизация — это приписывание человеку характеристик на основании групповой принадлежности, а предубеждение — это отношение (обычно негативное, уничижительное) на основании групповой принадлежности. Разумеется, обычно именно негативные стереотипы и становятся основой для предубеждения, однако не обязательно. Например, амбивалентные стереотипы зависти могут стать основой предубеждения по типу поиска «козла отпущения» (Glick, 2005).

предубеждений, концептуализированных исследователями в 1970–1990-е гг. — символические, амбивалентные, аверсивные — указывает, как мы полагаем, на разнообразие функций, которые предубеждения могут выполнять в межгрупповых отношениях. Более того, любопытно, что различным группам свойственны скрытые предубеждения разных форм. Так, например, для расовых групп более всего обсуждаются символические формы (McConahay et al., 1981; Henry, Sears, 2002; Pettigrew, Meertens, 1995; Sears, 1988), а амбивалентные формы (Katz, Hass, 1988) привлекли малое внимание исследователей. Для гендерных групп, напротив, наиболее развито исследование амбивалентных форм (Agadullina et al., 2022; Glick, Fiske, 1996, 2011), а шкалы неосексизма и современного сексизма (символические формы предубеждения) сравнительно редко применяются в эмпирических исследованиях (обзор см.: Brown, 2010).

Разнообразие форм скрытых предубеждений и их специфичность для определенных групп приводят ко второй составляющей проблемы устойчивости предубеждений — социальной идентичности и особенностям идентификации человека с различными группами. Идентичность (и изменение групповых границ на ее основании) представлялась важным инструментом ослабления предубеждений: исследователи полагали, что изменение локальной идентичности с одной ингруппой на идентичность с более крупными общностями приведет к ослаблению предубеждения (Brewer, 2010; Brown, 2010). Тем не менее манипулирование в исследованиях возможной идентификацией с различными группами приводило к противоречивым результатам (Brewer, 2010; Brown, 2000; Gaertner, Dovidio, 2005; Mummendey, Wenzel, 1999). Как и в случае с предубеждением, можно сказать, что социальная идентичность сопротивляется попыткам исследователей заменить ее на другую — надгрупповую, двойственную и т.п. (обзор см.: Brewer, 2010).

Поэтому наше внимание привлекла модель ингрупповой проекции (Mummendey, Wenzel, 1999), которая, в противоположность многим другим подходам, поставила во главу угла обоснование усиления предубеждения как ответа на идентификацию с несколькими группами сразу. Ингрупповая проекция в рамках данной модели рассматривается как механизм, который позволяет членам группы поддерживать позитивную оценку своей группы даже в таких случаях, когда отличия между своей и другими группами не столь выражены или намеренно стираются. Кроме того, модель ингрупповой проекции рассматривает случаи, когда ингруппа входит в более глобальную общность, нормы и обычаи которой в существенной мере определяют отношение к различным группам в ее составе. Последнее особенно верно для поликультурных государств или для наднациональных объединений наподобие Европейского Союза, жители которого и стали самыми частыми участниками исследований ингрупповой проекции (Wenzel et al., 2007). Однако достигается эта позитивность в том числе за счет легитимации негативного отношения к различным группам внутри этой большой общности.

Примечательно, что взаимосвязь между процессами трансформации предубеждений в скрытые формы и ингрупповой проекцией еще не становилась

предметом анализа ни в зарубежной, ни в отечественной литературе, несмотря на то что оба явления связаны с феноменом устойчивости предубеждения. С нашей точки зрения, анализ данной взаимосвязи должен быть продуктивен для понимания механизмов функционирования и устойчивости предубеждений. Соответственно, целью данной работы является анализ понятия «ингрупповая проекция», и, в первую очередь, мы будем рассматривать это понятие с точки зрения его роли в функционировании скрытых форм предубеждения.

Ингрупповая проекция: механизм легитимации негативного отношения к аутгруппе

Ингрупповая проекция³ — генерализация характеристик своей группы на более общую категорию, рассмотрение представителей своей группы как наиболее приближенных к прототипу общей категории. Данное понятие было предложено Амели Мамменди и Михаэлем Уэнзелом в 1999 г. (Mummendey, Wenzel, 1999). Ингрупповая проекция не является эмпирически и относительно случайно обнаруженным экспериментальным эффектом, как происходит иногда открытие эффектов когнитивных искажений. Напротив, авторы аналитически предположили ее существование в поисках ответа на вопрос, каким образом члены групп интерпретируют межгрупповые различия или, точнее, в каких случаях воспринимаемые различия становятся основанием для социальной дискриминации или враждебности. Самые известные из существующих подходов, такие как теория реалистического группового конфликта или теория социальной идентичности, безусловно, предлагают свой взгляд на механизм возникновения дискриминации. Однако каждая из теорий столкнулась с противоречиями (обзор см.: Brewer, 2010), поиск решения которых актуален и сегодня. Не отвергая базовые идеи подходов М. Шерифа и А. Тэшфела, но пытаясь увеличить их предсказательную силу, А. Мамменди и М. Уэнзел разработали понятие ингрупповой проекции.

Предлагая данное понятие, авторы намеревались использовать для ответа на вопрос о механизмах социальной дискриминации такую «переменную» в межгрупповых отношениях, как социальный контекст, — переменную, которая часто упоминается, полагается важной, но крайне редко действительно учитывается в исследованиях (Mummendey, Wenzel, 1999). Ингрупповая проекция же с необходимостью включает контекст межгруппового взаимодействия, поскольку является реакцией на сложную, вложенную структуру социальных групп, когда есть более объемные общности, такие как нация или объединение

³ Сразу стоит оговориться, что авторы этого понятия не предполагали психоаналитического значения термина «проекция» в данном случае. Речь идет о генерализации (обобщении) характерных черт своей группы и приписывании этих черт более глобальной социальной категории (см.: Mummendey, Wenzel, 1999, p. 167). Именно эту генерализацию черт/норм авторы обозначили как проекцию ингруппы вовне на большую категорию (*inclusive category*). Примером ингрупповой проекции можно считать убеждение, что «русские (этническая группа) — это наиболее типичные россияне», которое, возможно, и подкрепляет известный тезис «Россия для русских» (Иванов, 2007).

наций, и включенные в них отдельные социальные группы (этнические, религиозные, региональные и др.).

Каким образом работает данный механизм? Можно условно выделить мотивационные и когнитивные условия его работы. Ключевой мотивацией для запуска ингрупповой проекции (и здесь авторы модели ингрупповой проекции следуют за теорией социальной идентичности) является стремление человека к положительному самоотношению, которое, как подчеркивал А. Тэшфел (Tajfel, 1982), ведет к стремлению положительно оценивать свою группу. Это происходит, поскольку принадлежность к группе означает для человека определение себя (хотя бы частично) через особенности этой группы. Соответственно, положительная социальная идентичность предполагает и положительную оценку группы принадлежности⁴. Положительная оценка своей группы происходит не в вакууме, не в абсолютной шкале, но в сравнении с другими группами: «мы» лучше, чем «они». И здесь подключаются когнитивные процессы для достижения «позитивной отличительности» своей группы от прочих. Согласно модели ингрупповой проекции (Ingroup Projection Model – IPM), позитивная отличительность в рамках глобальной «вложенной» структуры обществ достигается за счет восприятия своей группы как более прототипичной для общей категории, которая обычно оценивается положительно. Причем группы могут быть как согласны в восприятии прототипичности друг друга, так и нет. Например, и западные, и восточные немцы признавали, что западные немцы, жители бывшего ФРГ, более прототипичны для национальной группы «немцы», нежели восточные немцы, жители бывшей ГДР (Waldzus et al., 2004); группы, менее «отягощенные» статусной иерархией, чаще демонстрировали взаимную ингрупповую проекцию (например, студенты различных специальностей (Wenzel et al., 2003), учителя колледжа или университета (Waldzus et al., 2004)).

Однако мотивация позитивного самоотношения не единственное мотивационное устремление, которое должно объяснять межгрупповую дискриминацию. Как справедливо указывала М. Бруэр, положительная пристрастность к своей группе (ingroup love/bias) не ведет автоматически к враждебности к другим группам (outgroup hate) (Brewer, 1999). Понимание этого процесса как автоматического часто рассматривается исследователями в качестве ограничения теории социальной идентичности, в особенности при тестировании теории с использованием парадигмы минимальных групп (Brown, 2000; Spielman, 2000). Поэтому в качестве другого крайне существенного устремления авторы IPM предлагают проанализировать легитимацию⁵ (нормативное

⁴ Разумеется, это не автоматический процесс. Можно найти примеры поддержания позитивности социальной идентичности через явное негативное определение группы принадлежности, однако такие решения обычно временны, и при долгосрочном негативном определении группы ее члены сталкиваются со снижением психологического благополучия (см.: Стефаненко, 2014).

⁵ Этот процесс можно рассматривать одновременно и как мотивацию, если речь идет, например, о желании элит установить/узаконить статус-кво доминирующей группы, и, как результат таковой политики, как «когнитивную технику» для стабильности позитивной идентификации с группой.

узаконение) негативного поведения в отношении аутгруппы (Mummendey, Wenzel, 1999).

Что подталкивает группы к легитимации дискриминации? Здесь авторы IPM обращаются к нескольким феноменам и теориям. Во-первых, с точки зрения теории самокатегоризации (Turner, 1987), сравнение (в поиске той самой позитивной отличительности своей группы) может происходить только по сравнимым категориям. Сравнимость категорий задается более общей категорией, в которую входят сравниваемые. Кроме того, позитивность оценивания частной категории зависит от ее релевантности для более общей категории. Переноса это рассуждение на группы и идентичности, Дж. Тернер (Ibid.) говорил о том, что надгрупповая общность задает основания для сравнения групп и, что крайне важно, также задает ценностные ориентиры, каким быть «хорошо» и «правильно». В таком случае относительная прототипичность своей группы для большей общности становится своеобразным мерилom ее «хорошести», позитивной отличительности в составе надгрупповой общности и в сравнении с другими группами, аутгруппами.

Во-вторых, вхождение групп в одну большую надгрупповую общность и оценка друг друга в рамках этой общности задает и «правила» отношения к межгрупповым различиям, которые у групп есть с необходимостью. Авторы модели указывают, что, согласно исследованиям динамики группового мнения Л. Фестингера, в группе возникает определенное стремление к единообразию⁶, а если чье-то мнение отклоняется, то группа либо пытается их изменить⁷, либо начинает изменять восприятие своих границ таким образом, чтобы неподходящий член группы оказался вне ее (Mummendey, Wenzel, 1999). Подобные процессы, по мнению авторов IPM, происходят и в случае существования различных групп в составе большей категории. Ингруппа и аутгруппа оцениваются, исходя из соответствия прототипу общей надгрупповой категории, и если для ингруппы работает механизм ингрупповой проекции, т.е. она воспринимается как наилучший, «самый правильный» представитель общей категории, то аутгруппа становится источником неопределенности, тревоги и даже угрозы. Следовательно, ингруппа как нормативная и «правильная» занимает позицию превосходства и чувствует себя вправе определять правила поведения всех членов надгрупповой общности, негативно относясь к отклонению от общего прототипа. В результате может возникнуть легитимация дискриминации тех групп, которые менее прототипичны. Более того, подобная дискриминация воспринимается справедливой, или относительно справедливой, с позиции членов ингруппы (Ibid.).

Итак, понятие «ингрупповая проекция» было призвано объяснить, в каких случаях происходит интерпретация межгрупповых различий по негативному

⁶ Здесь же можно указать также на эксперименты М. Шерифа по выработке общей групповой нормы (см.: Brewer, 2010), так называемые эксперименты с аутокинетиическим эффектом.

⁷ Отдельного внимания заслуживает такой способ давления на отклоняющегося или просто «непохожего» члена группы (и своей, и иных групп), как остракизм, или исключение. Как показывают исследования (Williams, 2007), остракизм является мощным механизмом: избегая его, человек готов подчиняться нормам.

сценарию, т.е. аутгруппа, несмотря на то что она входит в ту же самую большую общность, что и ингруппа, рассматривается последней как источник угрозы, и негативное отношение к ней оценивается как оправданное. Сравнительно большая воспринимаемая прототипичность своей группы как результат ингрупповой проекции способствует позитивному самоотношению, но при этом возникает и тенденция к дискриминации аутгрупп, которые воспринимаются далекими от прототипа, поскольку они самим фактом «отличительности» от него нарушают нормативы правильного поведения в рамках большой общности. Отдельно важно указать на тесную связь ингрупповой проекции и воспринимаемой прототипичности с контекстом межгрупповых отношений, так как происходит проекция тех качеств, которые релевантны для оценки большей общности, вмещающей и ин-, и аутгруппы. Учет этой особенности, с нашей точки зрения, позволяет создавать более точные предсказания, какие межгрупповые различия потенциально могут стать источником легитимации негативного поведения (дискриминации) аутгруппы.

Последствия ингрупповой проекции для межгрупповых отношений

Интенсивные исследования феномена ингрупповой проекции позволили эмпирически зафиксировать его наличие и проверить основные предположения о его предикторах и последствиях (обзор см.: Wenzel et al., 2007). Действительно, существенная мера идентификации как с непосредственной ингруппой, так и с надгрупповой категорией (например, с немцами и с европейцами одновременно) ведет к большему стремлению к ингрупповой проекции (т.е. к восприятию немцев как наиболее прототипичных европейцев) (Ibid.). Также известно, что чем более четкий и однозначный прототип существует для надгрупповой общности (например, есть однозначный прототип «настоящего» европейца), тем легче возникает и ингрупповая проекция, и последующая легитимация дискриминации других групп как отклоняющихся от этого прототипа.

В качестве последствий исследователи зафиксировали негативный эффект относительной прототипичности⁸ своей группы для межгрупповых отношений: чем явственнее прототипичность, тем более негативно отношение к аутгруппе. Небольшой метаанализ на 27 выборках показал умеренный размер эффекта (Ibid.). Немногочисленные экспериментальные исследования на основе ИРМ также подтверждают значимость ингрупповой проекции. Так, С. Валдзус и А. Мамменди манипулировали мерой прототипичности, предложив респондентам написать суждения либо в пользу высокой прототипичности как немцев, так и британцев (по отношению к категории «европейцы»),

⁸ Относительная прототипичность группы — это разница между прототипичностью ингруппы и аутгруппы относительно надгрупповой общности. Сама по себе прототипичность каждой из групп рассчитывается по формуле: $d_{inc-sub} = \sqrt{(\sum(x_{inc(i)} - x_{sub(i)})^2)}$, где d — прототипичность, inc — надгрупповая общность, sub — ингруппа (или аутгруппа), x_i — оценка для атрибута i в перечне качеств (ценностей или иных суждений, которые стали основанием методики).

либо в пользу высокой прототипичности немцев, но слабой — британцев, либо в пользу высокой прототипичности немцев в сравнении с британцами. В результате выяснилось, что последние два условия приводят к значимо более выраженной пристрастности межгрупповых установок (Ibid.).

Анализ недавних исследований показывает, что распространение на другие культурные контексты и виды социальной идентичности в целом демонстрирует схожие тенденции и подтверждение более частных суждений модели, причем исследования могут быть как напрямую построены на IPM, так и опираться на другие концептуализации прототипичности (Berthold et al., 2019; Bianchi et al., 2010; Steffens et al., 2017). Так, в исследовании М. Абаскал было проверено предположение о том, что группа начинает менять воспринимаемые границы и трансформировать прототип члена группы в ответ на угрозу недостаточной отличительности (Abascal, 2020): белые американцы в условиях воспринимаемой демографической угрозы («растворения» своей группы в результате смешения рас) были в большей мере склонны рафинировать понятие «белого американца» и исключать расово-амбивалентных членов группы из него. А. Белл и коллеги провели серию исследований для оценки действия ингрупповой проекции на сторонников различных политических партий (Bell et al., 2022). Ингрупповая проекция (оценка «своей» партии как самой прототипичной для США в целом) усиливает политическую поляризацию, препятствует готовности участвовать в совместных политических проектах. Интересно отметить, что для этих исследований авторы поменяли обычную методику оценки ингрупповой проекции (как типичности тех или иных качеств ингруппы, аутгруппы и надгрупповой общности) на оценку выраженности у каждой группы «ключевых элементов идентичности американца». Этот прием может быть удачно применен в тех случаях, когда у изучаемых групп нет четкого стереотипа, который позволил бы создать методику на основании качеств. Д. Гласфорд с опорой на исследования восприятия прототипичности пространства и его роли для идентификации и группового поведения предлагает модель SPACE (A Social Identity Paradigm for Contextualized Experience). В серии исследований он показал, что восприятие какого-то пространства как прототипичного для группы сказывается на восприятии статуса этой группы, на мере идентификации с группой, чувстве солидарности, готовности участвовать в программах ослабления ингрупповой пристрастности, коллективных действиях (Glasford, 2021).

Ингрупповая проекция на службе у скрытых форм предубеждения

Примечательно, но обсуждения взаимосвязей ингрупповой проекции и неявных, скрытых, форм предубеждения в литературе нет. Возможно, это связано с довольно частым использованием в исследованиях неспецифичной терминологии и, соответственно, относительно диффузным пониманием (и измерением) сути феномена предубеждения. Так, например, исследователи пользуются термином «bias» (пристрастное отношение) или «outgroup attitudes», измеряя общую прохладность отношения к другой группе или предпочтение

большей дистанции с аутгруппой в сравнении с ингруппой респондента. В таком случае фиксируется довольно закономерный феномен, что аутгруппа воспринимается менее тепло (в чувствах и предпочитаемой дистанции), чем ингруппа, однако это мало что говорит о содержании отношения и его потенциальной возможности стать предубеждением⁹. Другой причиной может являться относительная молодость самого понятия «ингрупповая проекция». Но все же в литературе накопилось достаточно данных, чтобы высказать ряд предположений о взаимосвязях неявных форм предубеждения и ингрупповой проекции.

Первый факт, который стоит отметить, — это участие обоих феноменов (ингрупповой проекции и предубеждений) в сопротивлении изменениям в межгрупповых отношениях. Г. Олпорт, высказывая предположение о появлении новых, неявных, форм предубеждения (Allport, 1954/1979), указывал, что новые формы являются реакцией на изменившийся социальный и политический контекст в Соединенных Штатах: искреннее принятие норм эгалитарности входит в противоречие с негативными отношениями между расовыми группами, приводя к внутреннему конфликту и трансформации предубеждений в неявные формы. В неявных же формах предубеждения продолжают подпитывать дискриминацию, удерживая «старые» формы межгрупповых отношений (Brown, 2010). Ингрупповая проекция участвует в очень похожем механизме: легитимация статуса своей группы в рамках большей общности (как наиболее типичной и «правильной») позволяет воспринимать оценку межгрупповых различий негативно и «законно» претендовать на право определять, кто как должен себя вести и какие санкции должны следовать за отклонение от заданной модели.

Следовательно, можно предположить, что ингрупповая проекция служит инструментом поддержки легитимности предубеждения. Причем особое значение этот инструмент приобретает в тех случаях, когда явное и признанно негативное отношение к межгрупповым различиям утрачивает свою силу (иначе нет нужды проецировать прототипичность своей группы на общую категорию (например, в начале XX в. если кто-то говорил об американцах, то автоматически подразумевалось белое большинство страны)). Создатели ИРМ рассматривали ингрупповую проекцию как предиктор негативного отношения к аутгруппам внутри большей общности (Mummendey, Wenzel, 1999; Wenzel et al., 2007). Однако, если принять в расчет содержание каждого из феноменов, вернее рассматривать эту взаимосвязь иным образом, где ингрупповая проекция — это функциональное следствие предубеждения¹⁰.

⁹ Анализ соотношения таких понятий, как предубеждение (prejudice), стереотип (stereotype), межгрупповые и аутгрупповые установки (intergroup attitudes, outgroup attitudes) и пристрастность (bias, ingroup bias, outgroup bias), — задача для отдельной аналитической работы.

¹⁰ В близком ключе рассуждают Д. Шипирс и коллеги: они соотносят ингрупповую пристрастность (ingroup bias) и идентичность не в математической модели предиктора и зависимой переменной, но в функциональной, предполагая, что ингрупповая пристрастность может выполнять несколько разных функций, одна из которых — это наполнение смыслом идентификации с группой (Scheepers et al., 2006). Схожая логика в понимании роли стратегий поддержания

Косвенным подтверждением такого предположения может служить разнообразие данных о взаимосвязях относительной прототипичности ингруппы, абсолютной прототипичности ингруппы и прототипичности аутгруппы с отношением к аутгруппе, которые приводят Уэнзел и коллеги в обобщающей работе 2007 г. (Wenzel et al., 2007, Table 1). Если усиление относительной прототипичности практически без исключений связано с усилением негативного отношения к аутгруппе, то прототипичность только ингруппы (не относительная) может быть связана как положительно, так и отрицательно с оценкой аутгруппы. Положительные взаимосвязи (либо их отсутствие) свойственны тем случаям, когда группам, участвовавшим в исследовании, по всей видимости, не было необходимости использовать прототипичность для утверждения своего статуса. По полученным данным видно, что в основном это были группы студентов разных специальностей, преподавателей либо же случаи, когда немцы сравнивали себя с итальянцами или поляками (но не с британцами) в рамках Евросоюза (Ibid.).

Другим фактом, который заслуживает обсуждения, являются особенности каждой из форм неявных предубеждений, которые чаще всего упоминаются в литературе. Первая из форм, символическое предубеждение, предполагает, что человеку (носителю этой формы предубеждения) уже не свойственно явственное отвержение представителей другой группы (нежелание жить с ними по соседству или вступать в брак) или уничтожение их способностей, культурных обычаев, однако негативное отношение сохраняется по разным причинам (Brown, 2010). Причины могут быть более «рациональными» (об этом далее) или имплицитными, как результат взросления в культуре, пропитанной предубеждениями и стереотипами. С одной стороны, носители этой формы предубеждения полагают, что представители аутгруппы требуют поддержки и внимания неоправданно, так как равенство прав уже провозглашено (например, зафиксировано в конституции) и дискриминации этой группы уже нет. Более того, постоянная поддержка «якобы ущемляемых» групп приводит по факту к дискриминации представителей большинства, нарушая ценности индивидуализма. С другой стороны, носители этой формы предубеждения полагают, что представители различных аутгрупп просто мало стараются, мало прикладывают усилий для достижения своего благополучия, рассчитывая на постоянные дотации (McConahay et al., 1981; Henry, Sears, 2002; Pettigrew, Meertens, 1995; Sears, 1988). Ингрупповая проекция в таком случае — очень удобный механизм легитимации негативного отношения. Особенно символическое предубеждение проявляется в тех случаях, когда нормы взаимодействия (например, нормы равенства) неявны или же когда можно молчаливо дискриминировать бездействием, например, не поддерживать программы помощи аутгруппе (Henry, Sears, 2002).

Однако стоит отметить, что, вероятно, не любое содержание ингрупповой проекции будет поддерживать именно символическое предубеждение. Более

идентичности как указывающих на функции социальной идентичности для группы была применена М.В. Котовой (2016).

закономерно ожидать, что проекция, включающая качества вроде «трудолюбивый», «целеустремленный», «настойчивый», «независимый», «легкомысленный» (последнее как отвергаемое качество) и другие составляющие проявления ценностей протестантизма, в большей мере будет релевантна символическому предубеждению. В исследованиях ингрупповой проекции специально не обсуждается содержание тех качеств, которые получаются на предварительных этапах (списки типичных качеств представителей групп, которые затем предъявляются в основном этапе для оценки). Тем не менее анализ проведенных исследований указывает, что черты вроде целеустремленности, настойчивости, трудолюбия, независимости довольно часто встречаются в получаемых списках типичных качеств, особенно для групп с более высоким статусом (см., например: Berthold et al., 2019; Mazur, 2022; Waldzus et al., 2004; Waldzus et al., 2005; Wenzel et al., 2003). Это свойственно как для национальных групп (немцы в сравнении с поляками или итальянцами), так и для профессиональных (учителя высших учебных заведений в сравнении с учителями школ, студенты бизнес-направлений в сравнении со студентами-психологами).

Амбивалентное предубеждение — иной вариант скрытого предубеждения, при котором его носители испытывают позитивные чувства (симпатии, восхищения и др.) к представителям другой группы, но при этом же им свойственно и предубежденное отношение, готовность дискриминировать¹¹ (Glick, Fiske, 1996; Katz, Hass, 1988). Амбивалентное отношение, по замыслу Олпорта (Allport, 1954/1979), появляется из противоречия, которое создает одновременное принятие ценностей эгалитарности и протестантских ценностей. Эгалитарные ценности поддерживают сочувствие к членам дискриминируемых групп, а протестантские — недовольство «постоянной их поддержкой» или их притязаниями. Самая известная традиция изучения амбивалентного предубеждения — модель амбивалентного сексизма, предложенная П. Гликом и С. Фиск (Glick, Fiske, 1996; адаптацию на российской выборке см.: Агадуллина, 2018). Модель предполагает, что сексизм как отношение между гендерными группами может одновременно включать как враждебный (явное уничижительное отношение к женщинам), так и благожелательный компонент (Glick, Fiske, 1996).

Однако важно уточнить, что благожелательный сексизм — это все же предвзятое отношение к женщинам, хоть и благожелательное внешне. Например, при оценке ситуаций, когда женщина становилась жертвой изнасилования, враждебные сексисты были склонны к обвинению жертвы вне зависимости от дополнительных условий, а благожелательные сексисты реагировали усилением обвинения жертвы в зависимости от обстоятельств: если совершивший насилие был незнакомцем, то обвинение было выражено минимально, однако если это был знакомый человек, то обвинение женщины резко возрастало, превышая реакцию враждебных сексистов (Abrams et al., 2003). Авторы исследования

¹¹ Точнее, разумеется, говорить не об амбивалентном предубеждении, а о сочетании скрытого предубеждения с позитивным отношением к той же самой аутгруппе, но так как термин уже прижился в литературе, то он будет оставлен таким и в данной статье.

полагают, что такой эффект создает лежащее в основе благожелательного сексизма убеждение, что женщина должна вести себя скромно и целомудренно; спровоцировав своим поведением знакомого человека, она сама виновата. В этом смысле методика амбивалентного сексизма лишь относительно амбивалентна, так как и явное, и скрытое отношение все равно предвзято, только благожелательный сексизм — это скорее неявный сексизм, который можно в чем-то сравнить с символическими формами предубеждения (Brown, 2010).

В более точном значении термин «амбивалентный» был применен И. Кацем и Р.Г. Хасс при разработке методики амбивалентного расизма (Katz, Hass, 1988). Методика содержит четыре субшкалы и предполагает: оценку негативного отношения к чернокожим жителям Соединенных Штатов, оценку позитивного отношения, точнее, симпатии и сочувствия, а также оценку протестантских и эгалитарных ценностей, которые подпитывают каждый из типов этого отношения соответственно, причем авторы отдельно обосновывают возможность одновременного наличия как позитивных, так и негативных чувств к какой-то группе. Для достижения подобной амбивалентности при изучении разных типов сексизма шкалы враждебного и благожелательного сексизма стоит, вероятно, дополнить шкалами сочувствия-симпатии и оценкой ценностей, которые могут подпитывать каждый из типов отношения.

Ингрупповая проекция также может выступать инструментом для амбивалентного предубеждения, поскольку позволяет легитимировать нормативность собственной группы в сравнении с другой (например, неявного представления о том, что все должны следовать протестантским ценностям). Тем самым усиление ингрупповой проекции поддерживает и усиление негативной «части» амбивалентного предубеждения, увеличивая его противодействие части положительной. Однако мы полагаем, что здесь крайне важны несколько дополнительных пояснений. Амбивалентное предубеждение между гендерными группами — в исходной модели (Glick, Fiske, 1996) или, например, при измерении амбивалентного отношения к мужчинам (Krivoshchekov et al., 2018) — означает, что группы в сумме составляют универсум — человечество, т.е. надгрупповая общность получается максимально общей. В таком случае ингрупповая проекция и стоящая за ней относительная прототипичность своей группы предполагают, что своя гендерная группа лучше отражает типичные качества человека, нежели другая гендерная группа. Соответственно, усиление ингрупповой проекции становится сродни дегуманизации, т.е. исключению представителей определенной группы из «рода человеческого». Дегуманизация определяется различным образом (обзор см.: Агадуллина, 2021), однако не предполагает включение амбивалентности отношения к аут-группе. Получается определенный парадокс, при котором ингрупповая проекция и поддерживает амбивалентное предубеждение, и ведет к его трансформации в дегуманизацию для ряда групп. Анализ условий появления этого парадокса и его разрешения — задача отдельного исследования.

Другой вопрос касается ключевого положения модели ингрупповой проекции: данный феномен усиливается в случае одновременной и выраженной идентификации человека как с ингруппой, так и с надгрупповой общностью

(Mummendey, Wenzel, 1999; Wenzel et al., 2007). Идентификация же с человечеством, как показывают исследования, — явление, обычно довольно слабо выраженное, а кроме того, ведущее, напротив, к ослаблению предубеждений при действительной сформированности такой идентификации, поскольку она опирается на разотождествление с собственным «уникальным Я» и на включение в это Я всего окружения (Leary, 2019). В таком случае для возникновения ингрупповой проекции мало оснований. Напрашивается вывод, что, возможно, амбивалентное предубеждение для таких групп, которые исчерпывают универсум «человечество», феномен в принципе довольно неустойчивый: либо отношение к другой группе лишено устремлений вывести ее за пределы «рода человеческого», либо эти устремления присутствуют и отношение является одной из форм дегуманизации.

Третья форма неявных предубеждений, которая получила отдельное развитие в исследованиях, — это аверсивное предубеждение (Gaertner, Dovidio, 2005). Аверсивное предубеждение является, если можно так сказать, наиболее скрытой формой предубеждения. Оно возникает как результат двух разнонаправленных мотивационных устремлений: искреннего принятия ценностей эгалитарности и желания избежать межгруппового контакта, так как он вызывает тревогу у носителя этой формы предубеждения. Искреннее принятие ценностей эгалитарности отличает эту форму скрытого предубеждения от символической, носители которой скорее внешне и нормативно благожелательны, но особенно теплых чувств к представителям аутгруппы не испытывают (Henry, Sears, 2002; Pettigrew, Meertens, 1995). Тревога в межгрупповом контакте — это последствие негативных стереотипов, которые свойственны любому человеку, выросшему в культуре, обществе, где эти стереотипы распространены, и автоматически активизируются, какие бы ценности он ни разделял (Correll et al., 2002). Активация негативных стереотипов приводит к тому, что человек, искренне разделяющий эгалитарные ценности, чувствует неуверенность и тревогу, причины которой ему не очень понятны. Такое состояние может различным образом сказаться на межгрупповом взаимодействии. Согласно недавним исследованиям эмоций, в том числе так называемых социальных эмоций, крайне важным является процесс когнитивной оценки ситуации для принятия решения о переживаемой эмоции и последующего поведения (обзор см.: Manstead, 2010). В случае смутной тревоги в межгрупповом взаимодействии человек может, например, посчитать источником этого переживания представителя другой группы и, тем самым, далее воспринимать его как угрозу. Эффект угроз, в свою очередь, в межгрупповом взаимодействии, как правило, негативен (Riek et al., 2006).

Роль ингрупповой проекции для аверсивного предубеждения, как мы полагаем, двояка. С одной стороны, аверсивное предубеждение, по-видимому, не связано (или слабо связано) со стремлением к позитивной отличительности своей группы, приобретаемой за счет аутгруппы. Не случайно аверсивных расистов называют «предубежденными поневоле» (Brown, 2010). Этим данный вид отличается от других видов неявных предубеждений. Более того, С. Гартнер и Дж. Довидио отдельно обсуждают роль социальной идентичности

в ослаблении аверсивного предубеждения и показывают, что идентификация с общей ингруппой ослабляет такое предубеждение (Gaertner, Dovidio, 2005). Соответственно, нельзя утверждать, что ингрупповая проекция через легитимацию прототипичности своей группы будет выполнять ту же роль поддержки аверсивного предубеждения, как это происходит для предубеждения символического. С другой стороны, «эксперименты помощи»¹² подтверждают, что межгрупповое поведение носителя аверсивного предубеждения чувствительно к явственности норм взаимодействия, т.е. к тому, насколько ситуация предписывает следовать нормам социального взаимодействия. Ослабление этих норм приводит к избеганию контакта с возможными негативными последствиями. Например, используя эффект свидетеля, исследователи зафиксировали, что, предполагая присутствие других (ослабленный нормативный контекст), аверсивный расист не окажет помощь представителю другой расы, тогда как это не повлияет на его помощь представителю своей расы (Ibid.). Следовательно, в тех ситуациях, когда ингрупповая проекция легитимирует избегание межгруппового контакта, носители аверсивного предубеждения должны быть склонны к избеганию такового.

Ингрупповая проекция и неявные предубеждения: перспективы исследования в России

Фокусом данной аналитической работы являлась ингрупповая проекция (т.е. стремление рассматривать свою группу как самую типичную для большой общности) и ее последствия для межгрупповых отношений. Проведенный анализ позволяет утверждать, что ингрупповая проекция, вполне вероятно, является инструментом, который поддерживает устойчивость предубеждения. Причем особенное значение она имеет для современных, скрытых форм предубеждения, когда сама легитимность уничижительного отношения к другой группе не поддерживается правовыми нормами, но может поддерживаться иными процессами. За рамками нашего рассмотрения пока оставалось положение модели ингрупповой проекции о значении контекста межгрупповых отношений для понимания действия данной проекции. Поэтому в качестве подведения итогов проведенного анализа мы рассмотрим возможности применения ИРМ в определенном контексте, а именно для оценки межгрупповых отношений в России.

¹² Экспериментальная парадигма, предложенная С. Гартнером и Дж. Довидио для оценки проявления аверсивного предубеждения, так как авторы модели справедливо полагают, что аверсивное предубеждение не подлежит исследованию при помощи методик самоотчета (Gaertner, Dovidio, 2005). Дизайн «экспериментов помощи» обычно включает два условия: респонденты в расово гомогенных или гетерогенных диадах либо предлагают помощь сами, либо могут запросить ее при необходимости у партнера. Аверсивное предубеждение фиксируется как стремление значительно чаще предлагать помощь представителю другой расы (усиление действия социальной нормы), но значительно реже запрашивать помощь самому (не регулируется нормами взаимодействия и позволяет избежать контакта).

В первую очередь нужно отметить, что ингрупповая проекция запускается в том случае, если обе идентичности — с более «частной» группой и с более глобальной общностью — выражены и важны, а прототип надгрупповой общности четкий (Wenzel et al., 2007). Это потенциально может создавать существенный негативный эффект от политических и социальных проектов, направленных изначально на эффект положительный — создания выраженной гражданской идентичности у жителей поликультурной страны. Например, федеральные проекты патриотического воспитания, которые не в последнюю очередь усиливают гражданскую идентичность и привлекательность, однозначность национальной категории¹³, могут также подпитывать стремление к ингрупповой проекции, стремление членов различных групп внутри страны полагать себя самыми прототипичными для страны. Более того, гражданская идентичность, как показывают исследования, включает две составляющие, патриотическую и националистическую¹⁴ (Kosterman, Feshbach, 1989). Эти составляющие в одних странах связаны обратно-пропорционально, а в других — положительно, т.е. патриотизм подпитывает в том числе и национализм; по данным исследований, Россия относится к числу последних (Grigoryan, 2016). Соответственно, поддержка патриотизма как составляющей гражданской идентичности жителей России может усиливать в том числе и национализм, который, в свою очередь, будет направлен на различные группы внутри страны. Опираясь на логику нашего рассуждения в этой работе, национализм будет дополнительно усиливаться ингрупповой проекцией. Однако на данный момент это лишь предположение, требующее эмпирической проверки.

Второй возможный фокус внимания — это соотношение двух явлений: ингрупповой проекции и предубеждений. Несмотря на то что авторы IPM рассматривают ингрупповую проекцию как предиктор негативного отношения к аутгруппе, мы полагаем, что вполне обоснован и другой взгляд, уточняющий это соотношение: ингрупповая проекция выступает инструментом для поддержания (оправдания/легитимации) предубеждения. Такая позиция неявно согласуется и с исходными рассуждениями авторов IPM (Mummendey, Wenzel, 1999). Ингрупповая проекция определяется ими как способ установления позитивной отличительности своей группы (через относительную прототипичность ингруппы), значит, группа уже переживает недостаточность таковой отличительности, угрозу которой она видит в другой группе, тоже претендующей на то, чтобы быть «такими же, как мы», в этой надгрупповой общности, например, стране. В России, где русские составляют большинство населения, эта группа, безусловно, может быть подвержена ингрупповой проекции. В частности, известный лозунг «Россия для русских», обладающий внушительной историей

¹³ Примером может выступать Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (<https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>).

¹⁴ Патриотизм как составляющая гражданской идентичности заключается в гордости достижениями своей страны (по разным основаниям) без сравнительного контекста, а национализм — это полагание своей страны как лучшей, чем другие; мнение о том, что иные страны должны быть похожи на нее.

(Иванов, 2007), может быть как фактором, усиливающим межгрупповую напряженность, так и реакцией на воспринимаемую дискриминацию в результате изменения статуса, интенсивности миграционных потоков и других событий. Другой пример — гендерные взаимоотношения и амбивалентный сексизм, который во многом привлекает внимание исследователей как предиктор насильственного поведения (Agadullina et al., 2022). Амбивалентные предубеждения гендерных групп довольно интенсивно исследуются в России (Агадуллина, 2018; Пяткова, Савинская, 2020; Krivoshechekov et al., 2018; Krivoshechekov et al., 2022). Однако пока исследователи за редким исключением (см., например: Agadullina, 2021b) скорее сосредоточены на задачах измерения, валидации методик, нежели на оценке возможных практик поддержания скрытого предубеждения. Оценка содержания ингрупповой проекции, как нам представляется, позволит точнее предсказывать переход межгрупповых отношений в «форму» оправдания негативного отношения к аутгруппам.

Последний вопрос, который хотелось бы затронуть, касается природы внутреннего конфликта, который лежит в основании скрытых предубеждений. Каждая из теорий (Gaertner, Dovidio, 2005; Glick, Fiske, 2011; Katz, Hass, 1988; Henry, Sears, 2002; Pettigrew, Meertens, 1995), предлагавшая ту или иную форму неявного предубеждения, опиралась на понятие «внутренний конфликт» («inner conflict»), предложенное Г. Олпортом (Allport, 1954/1979). В американском контексте второй половины XX в. этот конфликт понимался как противопоставление, в первую очередь, ценностей протестантизма (зачастую в совокупности с индивидуализмом) ценностям эгалитарным. В России, для сравнения, есть и поддержка ценности трудолюбия¹⁵ (отчасти перекликающейся с протестантскими ценностями), и нарастающая роль ценностей полюса индивидуализма (Лебедева, 2000; Лебедева, Татарко, 2007). Однако относительно ценностей эгалитарных (или равноправия) исследователи систематично фиксируют их слабую выраженность и поддержку иерархии-доминирования (Лебедева, 2000; Собкин, 1998; Schwartz, Bardi, 1997; Schwartz, Butenko, 2014). Соответственно, ожидать, что противоречие именно этих ценностей будет определять в России переход предубеждений в скрытые формы, не очень обосновано, хотя отдельным группам населения это и может быть свойственно. Кроме того, исследователи совершенно справедливо отмечают, что получаемые на отечественных выборках предпочтения ценностей (и их объединения в более крупные блоки) далеко не всегда согласуются с распространенными западноевропейскими моделями, например, с теорией Ш. Шварца (Лебедева, Татарко, 2007; Bardi, Schwartz, 2003). Это же касается и другой дихотомии — консерватизм/либерализм, которая привлекается для описания скрытого конфликта-основы форм неявных предубеждений для американского и европейского контекста (Allport, 1954/1979; Brown, 2010), однако вызывает сомнения в своей действенности в контексте отечественном (Прусова, 2021).

¹⁵ Одним из примеров обсуждения ценности трудолюбия и ее передачи в культурах России является анализ сказок (см., например: Берберов, 2016; Валиева, 2013; Кулаковская-Дьяконова, 2016).

Подытоживая проведенную аналитическую работу, можно построить следующую цепочку выводов. Во-первых, ингрупповая проекция как механизм легитимации негативного, дискриминационного отношения к аутгруппам, безусловно, заслуживает внимания при оценке причин устойчивости предубеждения. Мы полагаем, что ингрупповая проекция является инструментом поддержки устойчивости предубеждения. Во-вторых, ингрупповая проекция различным образом сказывается на формах (символических, амбивалентных, аверсивных) скрытых предубеждений. В-третьих, исследование ингрупповой проекции и неявных предубеждений в российском контексте требует предварительного анализа содержания и эффектов гражданской идентичности, а также содержания возможного «внутреннего конфликта», без которого пока туманно содержание скрытых форм предубеждений.

Литература

- Агадуллина, Е. Р. (2018). Сексизм по отношению к женщинам: адаптация шкалы амбивалентного сексизма (П. Глика и С. Фиск) на русский язык. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 15(3), 447–463.
- Агадуллина, Е. Р. (2021). Дегуманизация: подходы к оценке не прямых предубеждений. *Социальная психология и общество*, 12(2), 5–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120201>
- Берберов, Б. А. (2016). Ценностная картина мира в Карачаево-Балкарской бытовой сказке. *Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук*, 4(31), 95–98.
- Валиева, З. И. (2013). Роль устного народного творчества в формировании патриотизма учащихся в современных социокультурных условиях Северного Кавказа. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Педагогика, психология»*, 4(15), 40–42.
- Иванов, А. (2007). «Россия для русских»: pro et contra. *Трибуна русской мысли. Религиозно-философский и научно-публицистический журнал*, 7, 92–102.
- Котова, М. В. (2016). Стратегии поддержки социальной идентичности: значение для теории социальной идентичности и понимания межгрупповых отношений. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(4), 691–711. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-691-711>
- Котова, М.В. (2024). Трансформация предубеждения в неявные формы как индикатор его функций в межгрупповых отношениях. *Социальная психология и общество*, 15(1), 57–75. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104>
- Кулаковская-Дьяконова, А. З. (2016). Этнопедагогические традиции в повышении педагогического потенциала семьи. *Педагогическое образование в России*, 1, 179–182.
- Лебедева, Н. М. (2000). Базовые ценности русских на рубеже XXI века. *Психологический журнал*, 21(3), 73–87.
- Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (2007). *Ценности культуры и развитие общества*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Прусова, И. С. (2021). Разработка методики для измерения представлений об идеальном государстве. *Социальная психология и общество*, 12(3), 103–127. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120308>
- Пяткова, Е. С., Савинская, О. Б. (2020). Нормативные представления о мизандрии у женщин двух поколений. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, 252–272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.679>

Собкин, В. С. (1998). Национальная политика глазами старшеклассника. В кн. *Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования* (с. 174–205). М.: Наука.

Стефаненко, Т. Г. (2014). *Этнопсихология: Учебник* (5-е изд., испр. и доп.). М.: Аспект Пресс.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Abascal, M. (2020). Contraction as a response to group threat: Demographic decline and whites' classification of people who are ambiguously white. *American Sociological Review*, *85*(2), 298–322. <https://doi.org/10.1177/0003122420905127>
- Abrams, D., Viki, G. T., Masser, B., & Bohner, G. (2003). Perceptions of stranger and acquaintance rape: The role of benevolent and hostile sexism in victim blame and rape proclivity. *Journal of Personality and Social Psychology*, *84*(1), 111–125. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.84.1.111>
- Agadullina, E. (2018). Sexism towards women: Adaptation of the Ambivalent Sexism Scale (P. Glick and S. Fisk) on a Russian sample. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, *15*(3), 448–464. (in Russian)
- Agadullina, E. R. (2021a). Dehumanization: Approaches to indirect prejudice. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, *12*(2), 5–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120201> (in Russian)
- Agadullina, E. (2021b). When sexism is not a problem: The role of perceived intelligence in willingness to interact with someone who is sexist. *Journal of Social Psychology*, *161*(3), 287–303. <https://doi.org/10.1080/00224545.2020.1819187>
- Agadullina, E., Lovakov, A., Balezina M., & Gulevich, O. (2022). Ambivalent sexism and violence toward women: A meta-analysis. *European Journal of Social Psychology*, *52*(5-6), 819–859. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2855>
- Allport, G. W. (1979). *The nature of prejudice* (25th anniversary ed.). Reading, MA: Addison-Wesley. (Original work published 1954)
- Bardi, A., & Schwartz, S. H. (2003). Values and behavior: Strength and structure of relations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *29*(10), 1207–1220. <https://doi.org/10.1177/0146167203254602>
- Bell, A. C., Eccleston, C. P., Bradberry, L. A., Kidd, W. C., Mesick, C. C., & Rutchick, A. M. (2022). Ingroup projection in American politics: An obstacle to bipartisanship. *Social Psychological and Personality Science*, *13*(5), 906–915. <https://doi.org/10.1177/19485506211046788>
- Berberov, B. A. (2016). Tsennostnaya kartina mira v Karachaevo-Balkarskoi bytovoï skazke [The value worldview in the Karachay-Balkarian common folktale]. *Vestnik Instituta Gumanitarnykh Issledovaniï Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoi Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk*, *4*(31), 95–98. (in Russian)
- Berthold, A., Steffens, M. C., & Mummendey, A. (2019). What did they say? How subgroup stereotypes influence memory for superordinate groups. *Journal of Experimental Social Psychology*, *83*, 26–36. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2019.02.007>
- Bianchi, M., Mummendey, A., Steffens, M. C., & Yzerbyt, V. Y. (2010). What do you mean by “European”? Evidence of spontaneous ingroup projection. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *36*(7), 960–974. <https://doi.org/10.1177/0146167210367488>

- Brewer, M. B. (1999). The psychology of prejudice: ingroup love or outgroup hate? *Journal of Social Issues*, 55(3), 429–444. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00126>
- Brewer, M. B. (2010). Intergroup relations. In R. F. Baumeister & E. J. Finkel (Eds.), *Advanced social psychology: The state of the science* (pp. 535–571). New York, NY: Oxford University Press.
- Brown, R. (2000). Social identity theory: past achievements, current problems and future challenges. *European Journal of Social Psychology*, 30(6), 745–778. [https://doi.org/10.1002/1099-0992\(200011/12\)30:6<745::AID-EJSP24>3.0.CO;2-O](https://doi.org/10.1002/1099-0992(200011/12)30:6<745::AID-EJSP24>3.0.CO;2-O)
- Brown, R. (2010). *Prejudice. Its social psychology*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Correll, J., Park, B., Judd, C. M., & Wittenbrink, B. (2002). The police officer's dilemma: Using ethnicity to disambiguate potentially threatening individuals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83(6), 1314–1329. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.83.6.1314>
- Gaertner, S. L., & Dovidio, J. F. (2005). Understanding and addressing contemporary racism: From aversive racism to the common ingroup identity model. *Journal of Social Issues*, 61(3), 615–639. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2005.00424.x>
- Glasford, D.E. (2021). Composition of place, minority vs. majority group-status, & contextualized experience: The role of level of group representation, perceiving place in group-based terms, and sense of belonging in shaping collective behavior. *PLoS ONE*, 16(9), Article e0253571. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253571>
- Glick, P. (2005). Choice of scapegoats. In J.F. Dovidio, P. Glick, & L.A. Rudman (Eds.), *On the nature of prejudice: fifty years after Allport* (pp. 244–261). Oxford: Blackwell Publishing.
- Glick, P., & Fiske, S. T. (1996). The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating hostile and benevolent sexism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70(3), 491–512. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.70.3.491>
- Glick, P., & Fiske, S. T. (2011). Ambivalent sexism revisited. *Psychology of Women Quarterly*, 35(3), 530–535. <https://doi.org/10.1177/0361684311414832>
- Grigoryan, L. (2016). National identity and anti-immigrant attitudes: The case of Russia. In P. Schmidt, J. Grimm, L. Huddy, & J. Seethaler (Eds.), *Dynamics of national identity: Media and societal factors of what we are* (pp. 206–228). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315746111-11>
- Henry, P. J., & Sears, D. O. (2002). The Symbolic Racism 2000 Scale. *Political Psychology*, 23(2), 253–283. <http://www.jstor.org/stable/3792290>
- Ivanov, A. (2007). “Rossiya dlya russkikh”: pro et contra [Russia is for Russians: pro et contra]. *Tribuna Russkoi Mysli*, 7, 92–102.
- Katz, I., & Hass, R. G. (1988). Racial ambivalence and American value conflict: Correlational and priming studies of dual cognitive structures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 55, 893–905. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.55.6.893>
- Kosterman, R., & Feshbach, S. (1989). Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes. *Political Psychology*, 10(2), 257–274. <https://doi.org/10.2307/3791647>
- Kotova, M. V. (2016). Identity management strategies: Significance for the social identity theory and understanding of intergroup relations. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 13(4), 691–711. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-691-711> (in Russian)
- Kotova, M.V. (2024). Prejudice Transformation from Overt to Covert Forms as an Indicator of its Functions in Intergroup Relations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 15(1), 57–75. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104> (in Russian)
- Krivoshchekov, V.S., Gulevich, O.A., & Lyubkina, A.S. (2018). Hostile and benevolent attitudes toward men: Psychometric properties of the Russian version of the Ambivalence toward Men Inventory. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 15(3), 428–447.

- Krivoshchekov, V., Gulevich, O., & Ostroverkhova, M. (2022). The Conformity to Masculine Norms Inventory-30: Validity and measurement invariance of a Russian-language version. *Psychology of Men and Masculinity*, 23(1), 59–73. <https://doi.org/10.1037/men0000379>
- Kulakovskaya-D'yakonova, A. Z. (2016). Etnopedagogicheskie traditsii v povyshenii pedagogicheskogo potentsiala sem'i [Ethnopedagogical traditions in increasing the pedagogical potential of families]. *Pedagogicheskoe Obrazovanie v Rossii*, 1, 179–182.
- Lai, C. K., Marini, M., Lehr, S. A., Cerruti, C., Shin, J.-E. L., Joy-Gaba, J. A., Ho, A. K., Teachman, B. A., Wojcik, S. P., Koleva, S. P., Frazier, R. S., Heiphetz, L., Chen, E. E., Turner, R. N., Haidt, J., Kesebir, S., Hawkins, C. B., Schaefer, H. S., Rubichi, S., ... Nosek, B. A. (2014). Reducing implicit racial preferences: I. A comparative investigation of 17 interventions. *Journal of Experimental Psychology: General*, 143(4), 1765–1785. <https://doi.org/10.1037/a0036260>
- Lai, C. K., Skinner, A. L., Cooley, E., Murrar, S., Brauer, M., Devos, T., Calanchini, J., Xiao, Y. J., Pedram, C., Marshburn, C. K., Simon, S., Blanchar, J. C., Joy-Gaba, J. A., Conway, J., Redford, L., Klein, R. A., Roussos, G., Schellhaas, F. M. H., Burns, M., ... Nosek, B. A. (2016). Reducing implicit racial preferences: II. Intervention effectiveness across time. *Journal of Experimental Psychology: General*, 145(8), 1001–1016. <https://doi.org/10.1037/xge0000179>
- Leary, M. R. (2019). Hypo-egoic identity, prejudice, and intergroup relations. *TPM: Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*, 26(3), 335–346. <https://doi.org/10.4473/TPM26.3.1>
- Lebedeva, N. M. (2000). Bazovye tsennosti russkikh na rubezhe XXI veka [Russians' basic values at the turn of the 21st century]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 21(3), 73–87.
- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (2007). *Tsennosti kultury i razvitie obshchestva* [Cultural values and development of society]. Moscow: HSE Publishing House.
- Manstead, A. S. R. (2010). Social psychology of emotion. In R. F. Baumeister & E. J. Finkel (Eds.), *Advanced social psychology: The state of the science* (pp. 101–137). New York, NY: Oxford University Press.
- Mazur, L. B. (2022). Breaking the link between ingroup projection and outgroup derogation: Encouraging civility in disagreements about social responsibility. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 28(2), 214–225. <https://doi.org/10.1037/pac0000594>
- McConahay, J. B., Hardee, B. B., & Batts, V. (1981). Has racism declined in America? It depends on who is asking and what is asked. *Journal of Conflict Resolution*, 25(4), 563–579. <https://doi.org/10.1177/002200278102500401>
- Mummendey, A., & Wenzel, M. (1999). Social discrimination and tolerance in intergroup relations: Reactions to intergroup difference. *Personality and Social Psychology Review*, 3(2), 158–174. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0302_4
- Pettigrew, T. F., & Meertens, R. W. (1995). Subtle and blatant prejudice in Western Europe. *European Journal of Social Psychology*, 25, 57–75. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420250106>
- Prusova, I. S. (2021). Development a measurement of attitudes about ideal government. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 12(3), 103–127. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120308> (in Russian)
- Pyatkova, E. S., & Savinskaya, O. B. (2020). Normative perceptions of misandry among two generations of women. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)]*, 2(156). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.679> (in Russian)
- Riek, B. M., Mania, E. W., & Gaertner, S. L. (2006). Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 10(4). https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1004_4

- Scheepers, D., Spears, R., Doosje, B., & Manstead, A. S. R. (2006). The social functions of ingroup bias: Creating, confirming, or changing social reality. *European Review of Social Psychology, 17*, 359–396. <https://doi.org/10.1080/10463280601088773>
- Schwartz, S. H., & Bardi, A. (1997). Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe. *Political Psychology, 18*, 385–410.
- Schwartz, S. H., & Butenko, T. (2014). Values and behavior: Validating the refined value theory in Russia. *European Journal of Social Psychology, 44*(7), 799–813. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2053>
- Sears, D. O. (1988). Symbolic racism. In P. A. Katz & D. A. Taylor (Eds.), *Eliminating racism: Profiles in controversy* (pp. 53–84). New York, NY: Plenum.
- Sobkin, B. C. (1998). Natsional'naya politika glazami starsheklassnika [National politics through the eyes of a high school student]. In *Etnos. Identichnost'. Obrazovanie: Trudy po sotsiologii obrazovaniya* [Ethnos. Identity. Education: Proceedings on the Sociology of Education] (pp. 174–205). Moscow: Nauka.
- Spielman, D. A. (2000). Young children, minimal groups, and dichotomous categorization. *Personality and Social Psychology Bulletin, 26*(11), 1433–1441. <https://doi.org/10.1177/0146167200263010>
- Stefanenko, T. G. (2014). *Etnopsikhologiya* [Psychological anthropology] (5th ed.). Moscow: Aspekt Press.
- Steffens, M. C., Reese, G., Ehrke, F., & Jonas, K. J. (2017). When does activating diversity alleviate, when does it increase intergroup bias? An ingroup projection perspective. *PLoS ONE, 12*(6), Article e0178738. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0178738>
- Tajfel, H. (1982). Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology, 33*, 1–39. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.33.020182.000245>
- Turner, J. C. (1987). A self-categorisation theory. In J. C. Turner, M. A. Hogg, P. J. Oakes, S. D. Reicher, & M. S. Wetherell (Eds.), *Rediscovering the social group: A self-categorisation theory* (pp. 42–67). Oxford, UK: Blackwell.
- Valieva, Z. I. (2013). Rol' ustnogo narodnogo tvorchestva v formirovaniy patriotizma uchashchikhsya v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviyakh Severnogo Kavkaza [The role of oral folk art in the formation of patriotism among students in the modern sociocultural conditions of the North Caucasus]. *Vektor Nauki Tol'yattinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya "Pedagogika, psikhologiya", 4*(15), 40–42.
- Waldzus, S., Mummendey, A., & Wenzel, M. (2005). When “different” means “worse”: In-group prototypicality in changing intergroup contexts. *Journal of Experimental Social Psychology, 41*(1), 76–83. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2004.05.006>
- Waldzus, S., Mummendey, A., Wenzel, M., & Boettcher, F. (2004). Of bikers, teachers and Germans: Groups' diverging views about their prototypicality. *British Journal of Social Psychology, 43*, 385–400. <https://doi.org/10.1348/0144666042037944>
- Wenzel, M., Mummendey, A., & Waldzus, S. (2007). Superordinate identities and intergroup conflict: The ingroup projection model. *European Review of Social Psychology, 18*, 331–372. <https://doi.org/10.1080/10463280701728302>
- Wenzel, M., Mummendey, A., Weber, U., & Waldzus, S. (2003). The ingroup as pars pro toto: Projection from the ingroup onto the inclusive category as a precursor to social discrimination. *Personality and Social Psychology Bulletin, 29*(4), 461–473. <https://doi.org/10.1177/0146167202250913>
- Williams, K. D. (2007). Ostracism. *Annual Review of Psychology, 58*, 425–452. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.58.110405.085641>